С 26/469

801-16/2251

О. Б. ФЕЛЬЦМАНЪ.

С 26/469

КЪ ВОПРОСУ
о сущности гипноза
ПО
СОВРЕМЕННЫМЪ ВОЗЗРѢНІЯМЪ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа.
Остоженка, д. Военнаго Вѣдомства.
1910.

Пуб. и Румянцов. Музей * Библіотека

Къ вопросу о сущности гипноза по современнымъ воззрѣніямъ. *)

О. Б. Фельцмана.

Идеи вѣчны и во всякомъ случаѣ онѣ столь же стары, какъ сама вѣчность. Проходятъ вѣка, пріобрѣтаются новыя свѣдѣнія, опытъ. Происходитъ приспособленіе новыхъ свѣдѣній къ старымъ идеямъ. Мѣняются названія, но не идеи. И необыкновенно правъ Н. Н. Баженовъ, говоря: „если хочешь дѣлать новыя открытія, читай прилежно старыя книги".

Исходя изъ этихъ соображеній, я нѣсколько подробнѣе чѣмъ это можно допустить въ краткомъ вступленіи, остановлюсь на исторіи вопроса, который подлежитъ сегодня нашему обсужденію. Я имѣю въ виду коснуться только тѣхъ моментовъ, которые могутъ иллюстрировать повторяемость идей и событій.

Идея о животномъ магнетизмѣ встрѣчается въ первый разъ въ трудахъ теософовъ 16 и 17 вѣка. Но примѣненіе этого магнетизма начинается несравненно раньше. Мы лишены пріятной возможности сослаться, какъ это принято, на Гиппократа и у насъ даже нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы судить на какой ступени біологической лѣстницы начинается примѣненіе этого «животнаго магнетизма». Начнемъ съ Mesmer'a. Mesmer появился въ Парижѣ въ 1778 году. Это было передъ великой революціей, время переходное, полное неожиданностей, время авантюристовъ. Нѣсколько удачныхъ излеченій создали ему громадную славу и привлекли на его сторону массу адептовъ. Mesmer собственно не сказалъ ничего новаго. И до него существовала магнетическая медицина, которая пользовалась магнетизмомъ, амулетами и талисманами, содержащими мистическій универсальный флюидъ. Mesmer вѣроятно понялъ, что сила не въ талисманахъ, и началъ собственноручно извлекать флюиды изъ воздуха, придумалъ магнетическія ванны, вокругъ которыхъ садились больные, и внесъ много театральныхъ эффектовъ въ свои пріемы. Фанатикъ или шарлатанъ, а вѣроятно и то и другое, Mesmer быстро завоевалъ успѣхъ. Онъ окружилъ себя таинственностью, но ему не удалось скрыть грубой эксплоатаціи больныхъ и легковѣрныхъ, которая для многихъ была очевидной. Академія назначила комиссію изъ выдающихся ученыхъ того времени. Mesmer отказался дать имъ какія бы то ни было объясненія. Въ тоже время онъ образовалъ тайное общество, членамъ котораго онъ за 100 луидоровъ открывалъ свою тайну. Многіе изъ этихъ адептовъ продолжали заниматься животнымъ магнетизмомъ, нѣсколько видо-

---

*) Вступленіе къ бесѣдѣ о гипнотизмѣ, чит. въ засѣданіи секціи нервныхъ и душевныхъ болѣзней студенческаго Пироговскаго общества подъ предсѣдательствомъ прив.-доц. Г. И. Россолимо.

2007338000

измѣнивъ пріемы Mesmer'a. Я не буду приводить именъ и хочу резюмировать взгляды Mesmer'a и его послѣдователей. Особый магнетическій флюидъ образуетъ въ организмѣ новыя свойства: анестезію, каталепсію, внушаемость, галлюцинаціи и сомнамбулизмъ. Но среди врачей того времени, людей науки, магнетизмъ популярности не пріобрѣлъ. Husson, рѣшившійся въ своемъ докладѣ передъ академіей въ 1831 году подтвердить реальность магнетическихъ явленій, остался на всю жизнь для всѣхъ l' honnête et crédule Husson. Число адептовъ быстро уменьшилось и магнетизмъ на время былъ почти забытъ.

Слѣдующій періодъ—это періодъ бредизма или гипнотизма. Въ 1841 году манчестерскій хирургъ Braid отмѣтилъ тотъ фактъ, что сноподобное состояніе, тождественное съ магнетическимъ, можетъ быть вызвано, если заставить паціента фиксировать блестящій предметъ и сконцентрировать свое вниманіе на одной идеѣ. Braid уже отрицаетъ передачу магнетической силы и гипнотическое состояніе объясняетъ физіологическими измѣненіями въ центральной нервной системѣ подъ вліяніемъ фиксированія (утомленія зрѣнія). Нужно отмѣтить, что періодъ Braid'a совпалъ съ успѣхами въ области физіологіи (Carpenter и др.). Бредизмъ уже не имѣлъ такого успѣха, какъ месмеризмъ. Гипнотизмъ примѣнялся при операціяхъ, но онъ, конечно, не могъ конкурировать съ хлороформомъ и для многихъ казался только научнымъ куріозомъ.

Третій большой періодъ начинается съ Liebeault въ 1866 году. Съ Liebeault флюидическая теорія Mesmer'a и психофизіологическая Braid'a замѣщается чистой психической теоріей. Можно сказать, что съ Liebeault ученіе о гипнотизмѣ возведено въ рангъ науки. По мнѣнію Liebeault всѣ магнетическія или гипнотическія явленія обязаны своимъ происхожденіемъ нормальному свойству человѣка, внушаемости, усиленному внушеннымъ сномъ. Эта теорія подверглась дальнѣйшей разработкѣ въ работахъ врачей и ученыхъ Нансійской школы и по сіе время не подвергалась сколько нибудь значительнымъ измѣненіемъ. Къ этимъ взглядамъ Нансійской школы мы еще вернемся.

Въ 1878 году выступаетъ на сцену Charcot, талантливый ученый, въ частности клиницистъ. Онъ далъ (конечно) клиническое описаніе гипнотизма. Для него гипнозъ — это искусственно вызванный неврозъ, который можно вызывать только у истеричныхъ и который состоитъ изъ 3 различныхъ фазъ: летаргической, каталептической и сомнамбулической. Но позже Нансійскіе врачи доказали, что такого невроза въ 3 фазахъ нѣтъ, и что онъ вызывается у Charcot благодаря извѣстой муштровкѣ его знаменитыхъ истеричекъ. И во всякомъ случаѣ всѣ гипнотическіе симптомы удавалось вызвать у здоровыхъ людей путемъ словеснаго внушенія и даже безъ внушеннаго сна. Все это подорвало значеніе взглядовъ

Charcot, и въ настоящее время почти всѣ авторы придерживаются взглядовъ Нансійской школы. Вопросъ о гипнозѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ истеріи. За послѣднее время Babinski доказываетъ (и кажется успѣшно), что истерія или по крайней мѣрѣ большинство истерическихъ симптомовъ создается на почвѣ невольнаго самовнушенія или внушенія со стороны окружающихъ и врачей. Мнѣ кажется, что изъ этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Если гипнозъ и истерія суть симптомокомплексы, вызываемые обдуманнымъ или невольнымъ внушеніемъ, то не правъ ли былъ Charcot, считавшій гипнозъ за истерическій симптомъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ, можно ли говорить объ опредѣленной болѣзни на основаніи одного симптома. Это—такъ, но вѣдь и истерія—далеко неопредѣленная болѣзнь.

Уже изъ нашего болѣе чѣмъ краткаго обзора можно пожалуй видѣть, что современное ученіе о гипнотизмѣ находится въ такомъ же отношеніи къ ученію о магнетизмѣ, какъ химія къ алхиміи, астрономія къ астрологіи. Но животный магнетизмъ почти въ первоначальномъ своемъ видѣ и по сіе время имѣетъ своихъ адептовъ. Магнетизмъ у Reichenlach'a преобразился въ животную силу, носителя которой онъ назвалъ «Od». По Ph. Kramer'y (1884 г.) магнетическая сила излучается изъ магнетизера видимо для невооруженнаго глаза на подобіе сіянія вокругъ ликовъ святыхъ. По Jäger'y магнетическая сила излучается изъ магнетизера въ видѣ запаха. Для полнаго магнетическаго воздѣйствія по Jallis'y необходимо избѣгать нѣкоторыхъ частей одежды, напр. шелковыхъ платьевъ. Иногда рекомендуется даже обнажить больного. Начало нынѣшняго столѣтія особенно изобилуетъ такъ наз. магнетопатами, магнетизерами и месмеристами, особенно въ Америкѣ и въ Англіи. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что о нихъ извѣстно не столько по ихъ ученымъ работамъ, сколько по громкимъ процессамъ о мошенничествѣ, возбуждаемымъ противъ нихъ. Но и среди болѣе серіозныхъ ученыхъ находятся такіе, которые не могутъ согласиться съ тѣмъ, что возможна работа безъ приложенія какой нибудь внѣшней силы, гипнозъ—безъ какой либо энергіи. Эти изслѣдователи старались болѣе или менѣе поспѣшно приспособить новыя открытія къ старой идеѣ. Извѣстный физикъ de-Rochas въ Парижѣ въ работѣ «Exterriorisaton de la motricité» доказываетъ между прочимъ, что выдѣляющаяся изъ организма энергія можетъ быть растворена въ стаканѣ воды и при этомъ она не теряетъ своей первоначальной силы. Joire придумалъ стенометръ, при помощи котораго можно измѣрить магнетическую силу. Эта сила можетъ переходить и аккумулироваться въ бумагѣ, въ деревѣ, въ полотнѣ и въ бутылкахъ воды. Эта сила не задерживается въ желѣзѣ, шерсти и т. д. Въ 1903 г. Blondlot и его другъ Charpentier въ Нанси видѣли лучи, такъ наз. N-лучи, выходящіе изъ тѣла и которыхъ въ Германіи, напр., никто не видѣлъ.

На этомъ я прекращаю мой перечень открытій и заблужденій въ исторіи гипнотизма и перехожу къ изложенію сущности психической теоріи гипнотизма, въ его современномъ видѣ. И въ дальнѣйшемъ, чтобы сократить изложеніе, я буду избѣгать ссылокъ на авторовъ, особенно на несущественную разницу въ ихъ воззрѣніяхъ и на мой личный опытъ.

Итакъ, какъ говоритъ Bernheim, нѣтъ гипнотизма,— есть только внушеніе. Гипнозъ это—возникшее отъ психическаго воздѣйствія сноподобное состояніе, въ которомъ воспріятіе представленій безъ критики значительно повышенно. Мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ протекаетъ процессъ нормальнаго мышленія и столь мало мы знаемъ, какія измѣненія вызываетъ въ нашей нервной системѣ внушеніе. По крайней мѣрѣ, у насъ въ настоящее время нѣтъ ни одной физіологической теоріи, которая не была бы серіозно оспариваема. Но внушаемость это—свойство хорошо изученное. Опыты для изслѣдованія внушаемости слишкомъ просты, очевидны и ни въ комъ, какъ мнѣ кажется, не могутъ вызвать сомнѣнія. Психическое изслѣдованіе (анализъ и эксперименты) даютъ намъ большую возможность разобраться въ сущности внушенія. Въ этой области наши гипотезы будутъ уже опираться на болѣе или менѣе точныя изслѣдованія. Мнѣ кажется весьма ясной и пріемлемой схема Grasset, который предполагаетъ, что психическіе акты автоматичны и что у насъ имѣется автоматическій нисшій психизмъ и автоматическій высшій. Подъ нисшимъ психизмомъ разумѣется ассоціація всѣхъ тѣхъ центровъ (зрѣнія, слуха, рѣчи, движенія и т. д.), изученныхъ уже довольно точно, которые воспринимаютъ ощущеніе и завѣдуютъ движеніемъ. Всѣ эти центры находятся во взаимной связи и въ состояніи извѣстнаго равновѣсія, отъ котораго зависитъ нормальное функціонированіе организма. Этотъ психическій организмъ обладаетъ всѣми признаками психики, вплоть до сознанія, но онъ находится подъ контролемъ высшаго психизма, для котораго вѣроятнѣе всего нѣтъ опредѣленнаго центра. Высшій психизмъ — есть центръ личности, центръ высшаго яснаго сознанія, высшихъ интеллектуальныхъ процессовъ. Нисшій психизмъ великолѣпно можетъ функціонировать безъ контроля высшаго и наоборотъ высшій психизмъ, вмѣшиваясь активно въ дѣла нисшаго, иногда нарушаетъ его равновѣсіе. Эта схема безусловно искусственная, но она даетъ намъ возможность во многомъ оріентироваться. Позволю себѣ иллюстрировать эту схему однимъ сравненіемъ. Піанистъ только тогда играетъ безукоризненно, когда онъ можетъ играть, не обращая вниманіе на свои пальцы и клавиши. Это—техника, область нисшаго психизма. Въ тоже время высшій психизмъ поставляетъ піанисту то, что наз. вкусомъ, чувствомъ, пониманіемъ. Но стоитъ высшему психизму нѣсколько активнѣе контролировать дѣла нисшаго, какъ нисшій автоматизмъ начинаетъ работать плохо. Равновѣсіе артистическаго исполненія нарушается.

Перейдемъ къ внушаемости. Уже изъ житейскаго опыта это состояніе намъ хорошо знакомо. Внушаемость иногда сильно облегчаетъ нашу жизнь. Наше воспитаніе идетъ съ большей легкостью и успѣхомъ, между прочимъ и потому, что у насъ еще слабъ контроль и мы еще сильно внушаемы. Въ жизни —мы встрѣчаемъ внушеніе повсюду. Намъ внушаетъ или старается внушить всякій ораторъ и проповѣдникъ. Въ лавкѣ намъ внушаетъ приказчикъ, подсовывая намъ гниль вмѣсто сукна. Съ кафедры намъ внушаетъ лекторъ, подсовывая намъ нелѣпости, подъ видомъ открытой имъ теоріи и т. д., и т. д. Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ внушаемости—это незнаніе. Внушаемость можно усилить искусственно, отвлекая извѣстнымъ образомъ вниманіе субъекта и фиксируя его на опредѣленной идеѣ. Мы, какъ говорятъ, ослабляемъ у субъекта контроль. Но практика отмѣтила, что внушаемость и ослабленіе контроля скорѣе наступаетъ тогда, когда имѣется налицо ожиданіе. Всѣмъ этимъ мы пользуемся при гипнотизированіи. Предположимъ, что мы заставимъ нѣсколько минутъ въ тишинѣ просидѣть безъ движенія субъекта, который захочетъ быть загипнотизированъ. Ничто не будетъ отвлекать его вниманіе и онъ сконцентрируетъ его на вашихъ словахъ или свой взглядъ на какомъ нибудь блестящемъ предметѣ. Все это вызоветъ у него ожиданіе чего то не совсѣмъ обычнаго. Съ этимъ связываются ощущенія покоя, которыя всегда учитываются какъ что то новое. Если ожидается сонъ, то достаточно нѣсколько послѣдовательныхъ внушеній, какъ напр. „у васъ тяжелѣютъ вѣки, закрываются глаза и больше не откроются“, и сонъ наступилъ. Вы можете разговаривать съ усыпленнымъ и онъ васъ понимаетъ. Онъ даже иногда не считаетъ себя спящимъ. Но онъ думаетъ, что онъ не можетъ открыть глазъ. Онъ можетъ думать, что онъ и рта не можетъ открыть, и тогда вы на ваши вопросы не получите отвѣта.

Онъ можетъ думать, что у него нѣтъ своей воли и что всякое Ваше приказаніе должно быть безусловно исполнено. Врядъ ли можно отнести такія мысли къ высшей интеллектуальной дѣятельности. И я согласенъ съ тѣмъ, что сознаніе гипнотизируемаго въ это время приближается къ сознанію нисшаго психизма. Состояніе ожиданія продолжается и тогда, когда наступаетъ настоящій сонъ. Больной все ждетъ, что съ нимъ будетъ дальше. Онъ прислушивается къ словамъ гипнотизера и такимъ образомъ не теряетъ съ нимъ связи. Это— такъ наз. раппортъ. Такой же раппортъ существуетъ, и мнѣ приходилось наблюдать, при обыкновенномъ снѣ у лицъ, не поддающихся гипнозу. Такимъ образомъ, гипнотическій сонъ отличается отъ обыкновеннаго только по способу вызыванія. Понятно, что, когда наступилъ внушенный сонъ, то контроль и критика сведены къ minimum'у, а внушаемость къ maximum'у (хотя прямое отношеніе между глубиною сна, силою и стойкостью внушенія наблюдается далеко не всегда). Но терапевтически эффектъ отлично получается и безъ усыпленія, внушеніемъ

на яву. Итакъ, чтобы поддаться внушенію, нужна извѣстная готовность къ этому. По мнѣнію Dubois не можетъ быть внушенія безъ предварительнаго самовнушенія. Большей частью такое самовнушеніе появляется на почвѣ неувѣренности въ себѣ, часто на почвѣ незнанія. Но возможно и сознательное самовнушеніе. Субъектъ говоритъ себѣ: я сосредоточу все свое вниманіе на словахъ гипнотизера, я не буду его провѣрять и тогда я засну. Въ послѣдней фразѣ уже имѣется самовнушеніе и этимъ можно объяснить, что извѣстные психіатры и гипнотизеры, которыхъ нельзя обвинить въ незнаніи, какъ Bleuler, Obersteiner и мн. др. хорошо поддавались гипнотическому внушенію. Самовнушеніе есть источникъ и почва для многихъ заблужденій и въ частности научныхъ. Мы могли бы привести необыкновенное количество примѣровъ, гдѣ ученые въ своихъ изысканіяхъ видѣли то, что не могъ видѣть никто другой, и какъ говоритъ Bacon, не сохранили своей мысли въ чистотѣ и безпристрастіи. Самовнушеніе есть источникъ и почва для развитія большинства неврозовъ и даже психозовъ. Это въ настоящее время есть фактъ, клинически установленный, благодаря трудамъ извѣстныхъ ученыхъ психотерапевтовъ. Но это же самовнушеніе можетъ оказаться полезнымъ и для излеченія. Примѣры мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Но не надо забывать, что таже внушаемость при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ сдѣлать человѣка ненормальнымъ въ смыслѣ пониженія дѣятельности высшаго психизма.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему вопросу. Когда слѣдуетъ пользоваться этой особенностью организма и не можетъ ли пользованіе внушаемостью принести человѣку вредъ? Это вопросъ старый и много обсуждавшійся. Но въ настоящее время въ этомъ вопросѣ намъ можетъ многое выяснить клиническій опытъ психотерапіи. Нечего говорить, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣзнь возникла на почвѣ самовнушенія, можно внушить и излеченіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ не помогаютъ никакія средства, внушеніе оказывается неоцѣнимымъ. Это происходитъ тогда, когда больной, получившій раньше самовнушеніе, что никакія лѣкарства и физическіе методы ему не помогаютъ, не пріобрѣлъ еще подобнаго самовнушенія къ гипнозу. Такъ назыв. истерическіе параличи, контрактуры, боли, дурныя привычки, нѣкоторыя страсти и многіе другіе симптомы излечиваются часто даже моментальнымъ внушеніемъ и иногда безъ усыпленія. Но современная психотерапія относится къ внушенію весьма сдержанно. Если мы вспомнимъ, что внушеніемъ, особенно повторнымъ, мы культивируемъ незнаніе, неувѣренность въ себѣ; если мы вспомнимъ, что излеченный симптомъ еще не есть излеченная болѣзнь; если мы вспомнимъ, во что превращаются сомнамбулы послѣ повторныхъ экспериментовъ надъ ними и какъ сильно мы рискуемъ создать почву для опасныхъ самовнушеній,—то понятна будетъ наша мысль, что гипнозъ средство не безразличное, пользоваться имъ приходится съ большей осто-

симптомъ невроза. Почему больной сопротивляется врачу? Потому что онъ не можетъ не сопротивляться. Вѣдь онъ—потерявшій равновѣсіе, неприспособленный, съ хаотическимъ состояніемъ своего libido, становится и передъ врачемъ въ тупикъ, недоумѣваетъ какъ передъ новымъ событіемъ, которое онъ не въ силахъ первое время ассимилировать. Больной спрашиваетъ себя, не есть-ли врачъ—А, В, С, Д, Е и т. д., и недоумѣваетъ: можетъ быть это А (близкое-любимое или ненавидимое лицо), а можетъ быть В, и т. д.

Если врачъ зорко слѣдитъ за душевнымъ состояніемъ и поведеніемъ больного, онъ безъ труда можетъ замѣтить, что больной каждый разъ рѣзко мѣняетъ къ нему свое отношеніе. Въ первый сеансъ онъ, напр., сдержанъ, несловоохотливъ, высказываетъ даже опасеніе, что врачъ смѣется надъ нимъ. Чѣмъ объяснить такое отношеніе больного? Исключительно тѣмъ, что больной, не будучи въ состояніи ассимилировать новое событіе—иксъ, врача, замѣняетъ его другимъ. Заступающимъ лицомъ является для него одно очень комплексное лицо (комплексъ А), которое нерѣдко позволяло себѣ злыя насмѣшки по адресу больного. Врачъ долженъ провести анализъ такого замѣщенія и разъяснить больному причину его существованія,—это первый шагъ, первая брешь въ сопротивленіи паціента.

Однако стѣна еще не сломлена и это обстоятельство даетъ о себѣ знать тѣмъ, что больной въ слѣдующій разъ ведетъ себя съ врачемъ опять страннымъ и непонятнымъ образомъ: онъ негодуетъ, боится врача, держитъ себя, какъ жертва чьей-то измѣны. Однако, и тутъ надо искать процессъ замѣщенія, причемъ путемъ анализа приходится убѣждаться, что больной видитъ во врачѣ одного близкаго для него человѣка (комплексъ В), который однажды совсѣмъ не подружески измѣнилъ, жестоко подвелъ его. Еще—брешь въ все еще, однако, крѣпкой стѣнѣ сопротивленія паціента.

Снова—негодованіе больного: онъ заявляетъ врачу о своей самостоятельности, онъ не признаетъ духовнаго попечительства, желаетъ поступать такъ, какъ велитъ ему собственный разумъ. Больной идентифицируетъ врача съ отцомъ (комплексъ С) и ведетъ себя съ нимъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Далѣе оживаютъ дѣтскія воспоминанія и всѣ привязанности, антипатіи вереницею идутъ къ врачу, раскрывая ему всю жизнь паціента, дѣлая совершенно прозрачнымъ его заболѣваніе и разрушая шагъ за шагомъ когда-то прочную стѣну сопротивленія больного.

Тутъ картина мѣняется. Больной вступаетъ въ новый фазисъ. Онъ начинаетъ фантазировать: онъ любитъ лунную ночь, мѣсяцъ ласкающій, хотя и холодный. Больной безсознательно тянется къ врачу и ищетъ его ласки, участія. Онъ хочетъ, чтобы тотъ сталъ ближе, ласковѣе къ нему. Больной сильно занятъ врачемъ, часто видитъ его во снѣ. Это важный

X 11483.
X 11483.

моментъ, начало организаціи libido, которое до того находилось у больного въ хаотическомъ состояніи. Въ дальнѣйшемъ больной уже явно привязывается къ врачу; сопротивленіе его совершенно сломлено, онъ приспособился полностью къ врачу, безостаточно реализовалъ свое libido, совершилъ полный Uebertragung на врача. Это моментъ наибольшей важности. Больной отдаетъ въ руки врача весь имѣющійся у него духовный капиталъ, все свое libido, а потомъ, ставши правомочнымъ по отношенію къ этому libido, онъ беретъ обратно у врача свой капиталъ и оставляетъ ему лишь часть въ видѣ благодарности, уваженія, признательности.

Тутъ наступаетъ развязка Uebertragung, обратный процессъ, который совпадаетъ съ излеченіемъ больного отъ его страданія. Больной становится хозяиномъ своего libido и тутъ наблюдаются двоякаго рода явленія. Одни изъ больныхъ, libido которыхъ—примитивнаго свойства, переносятъ его на другое лицо, т. е. привязываются, влюбляются, женятся и т. д. Другіе,—люди болѣе высшихъ чувствованій и стремленій, совершаютъ сублимацію своего libido и принимаются за науку, искусство, общественную дѣятельность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ результатъ одинъ: больные возвращаютъ себѣ равновѣсіе, становятся людьми достаточно приспособленными къ окружающей средѣ, излѣчиваются вполнѣ отъ невроза.

Однако, есть и такая категорія больныхъ, которые, отдавши врачу все свое libido, весь имѣющійся у нихъ капиталъ, не могутъ вернуть его себѣ обратно. Это самые тяжелые случаи. Такіе больные не могутъ получить здоровья, они духовные банкроты и на всю жизнь остаются калѣками.

Въ заключеніе Jung отмѣтилъ, что психоанализъ, помимо всего остального, требуетъ извѣстныхъ соціальныхъ условій, которыя не стояли бы въ рѣзкомъ противорѣчіи къ отдѣльнымъ индивидуумамъ и могли бы обезпечить личности свободное развитіе. Въ Россіи, гдѣ за отдѣльнымъ человѣкомъ стоитъ особый общественный строй, мало обезпечивающій личности свободное развитіе и дѣлающій не вполнѣ возможнымъ обособленное независимое существованіе индивидуальности, психоанализъ долженъ наталкиваться на большія препятствія и всестороннее его проведеніе представляется дѣломъ, въ высокой степени проблематическимъ.

Тип. Штаба Москов. Воен. Округа. Москва, Остоженка, д. воен. вѣдомства.

18

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНА, Ю. В. КАННАБИХА, Н. Е. ОСИПОВА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ВЫРУБОВА.

Журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу—пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «**Психотерапіи**» Москва, **Тверская, д. 68** (Гиршмана); телефонъ 108-41, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ.

О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.